

Наши поздравления российской археологии и Л.С. Клейну! Британский философ написал книгу о российском ученом

В Америке вышла книга британского философа Стивена Лича «Российские перспективы теоретической археологии. Жизнь и труд Льва С. Клейна» (Stephen Leach. A Russian perspective on theoretical archaeology: The life and work of Leo S. Klejn. Walnut Creek, California, Left Coast Press, 2015). <http://www.lcoastpress.com/book.php?id=553>

Клейна считают самым известным из современных российских археологов на Западе, и его больше других переводили, но на деле знают о нем и его идеях очень мало.

Из аннотации на сайте издательства:

«Как работа, так и жизнь Льва С. Клейна, выдающегося российского теоретика археологии, до сих пор оставались практически неизвестными специалистам на Западе. В книге о его жизни и научной деятельности Стивен Лич охватил широкий круг проблем теоретической археологии, в которые Клейн внес свой вклад».

В книге в трех главах рассматривается драматическая биография Л. С. Клейна, а в остальных восьми излагаются основы его конкретных исследований в разных отраслях науки — в антропологии (история идей, природа человека, проблема девиации, в том числе гомосексуальности), в античной филологии (происхождение Илиады и вопрос о реальности Троянской войны), и, конечно, археологические проблемы — теоретические и конкретные: изучение трипольской и катакомбной культур бронзового века, скифо-сарматских древностей, норманнского участия в формировании древнерусского государства, историю мировой и российской археологии и др., включая смену музыкальных систем. За свою жизнь Л. С. Клейн создал корпус книг, формирующих теорию и методологию российской археологии на мировом уровне.

Хотя Клейн себя философом не считает, С. Лич сравнивает его с известным британским философом Робинотом Коллингвудом, о ком выходили предшествующие книги Лича. Коллингвуд был также известным археологом. Лич подчеркивает сугубую оригинальность концепции Клейна, который выступал как против марксистской догматики советских археологов, так и с критикой археологов Запада. Он считает, что принятие идей Клейна проступает скорее в России, чем на Западе.

Предисловие к книге написал Стивен Шеннан, заведующий кафедрой теоретической археологии Университетского Колледжа в Лондоне — пока единственной в мире, автор многих книг, один из родоначальников направления «дарвиновской археологии».

Foreword

Leo Klejn is an extraordinary individual: a polymath, an intellectual provocateur, not least a survivor of the events of his own life. He is also almost certainly the only theoretical archaeologist from the Soviet Union and Russia that Anglophone audiences have ever heard of, although these days I wonder how many even that is true of. Even if they know the name they probably know next to nothing about the man and his ideas. I hope Stephen Leach's excellent book changes that. It certainly deserves to. The subject might be thought rather forbidding, but I found the book compulsive. Part of the reason for this is Klejn's amazing life story, but what gives the book its special power and attraction is that it is less a standard intellectual biography and much more a dialogue between the author and Klejn himself. This approach gives a powerful sense of what the man is like—brilliant, argumentative, iron-willed, never one to accept the conventional view or the easy path—and with the toughness to take the consequences of these character traits for his life in the old Soviet Union and after.

But in presenting Klejn's ideas in their context the book is also a window on a very different intellectual world, an archaeological tradition that has developed almost entirely independently of the Anglo-American one and is largely unknown to most of us. It is not just about archaeology though. We are told that Klejn has said that 'in his life he had but one legal wife, archaeology, but many mistresses—anthropology, history, philology, and folklore studies'. His wide-ranging intellectual curiosity and remarkable productivity means he has made book-length contributions to all of these, and Leach gives each of them its due. In the end, though, like Klejn, it is the archaeology we return to and in particular to his views about the relationship between archaeology and history. Here and elsewhere I'm sure most readers from the Anglo-American tradition will find much that provokes them to debate and disagreement, but before embarking on this debate they should certainly read and ponder this book's indispensable appendix of archaeological and academic 'commandments' that were on the walls for Klejn's student seminars.

We should all be very grateful to Stephen Leach for writing this hugely engaging introduction to an extraordinary man and his ideas.

Stephen Shennan

Предисловие

Лев Клейн – экстраординарная личность: широкий эрудит, мастер интеллектуального вызова и не в последнюю очередь человек, преодолевший драматические обстоятельства собственной жизни. Он также почти наверняка – единственный археолог-теоретик из Советского Союза и России, которого англоязычная аудитория когда-либо слышала, хотя я сомневаюсь,

действительно ли это так. Даже если она слышала его имя, она наверняка почти ничего не знает о самом человеке и его идеях. Надеюсь, отличная книга Стивена Лича это изменит. Это и правда заслуживает изменения.

Несмотря на то, что предмет может быть воспринят как неприступный, я нахожу, что эту книгу читать необходимо. Веская причина для этого — увлекательная биография Клейна, но что придает этой книге особую силу и привлекательность, — то, что это не столько стандартная интеллектуальная биография, сколько диалог между автором и самим Клейном. Этот подход дает представление о масштабе его личности — это человек яркий, с твердой волей, никоим образом не принимающий традиционные взгляды или легкие пути и стойко встречающий последствия своего характера при жизни в Советском Союзе и после него.

Но представляя идеи Клейна в их контексте, эта книга также является окном в очень отличный от нашего интеллектуальный мир, в археологическую традицию, развивавшуюся совершенно независимо от англо-американской и большей частью совершенно неизвестную большинству из нас. И это касается не только археологии. Автор приводит слова Клейна, что в своей жизни он имел одну законную жену — археологию, но много любовниц — антропологию, историю, филологию, фольклористику. Его широчайшая интеллектуальная любознательность и замечательная продуктивность выражаются в том, что он внес вклад своими книгами во все эти области, и Лич отводит место каждой из них.

В конце, как и Клейн, он возвращается к археологии и в частности к взглядам Клейна на отношения между археологией и историей. Здесь и кое-где еще, я уверен, большинство читателей, следующих англо-американской традиции, найдут многое, что побудит их к спору и несогласию. Но прежде, чем погрузиться в эти споры, они должны, право же, прочитать и обдумать неразрывно связанное с книгой приложение к ней — археологические и академические заповеди, которые висели на стенах студенческих семинаров Клейна.

Мы все должны быть благодарны Стивену Личу за то, что он написал это чрезвычайно увлекательное введение в личность экстраординарного человека и его идеи.

Стивен Шеннан

А вот и те самые заповеди, о которых упоминает Стивен Шеннан.

Заповеди для участников семинара (годы чеканки 1964 — 1995)

1. Археология — это не история, вооруженная лопатой, а детектив, в котором следователь опоздал к месту происшествия на тысячу лет. Историю напишут потом судьи. Вот и смекай, чем заняться.
2. Не уподобляйся тому историку, для которого вся работа укладывается в два шага: сбор материала и написание текста. Тебе между этими двумя придется делать третий, основной — исследование.
3. Где есть закон, там нет проблемы. Во всякой раскладке фактов ищи не закон, а противоречие закону. За ним скрывается проблема, за проблемой — открытие.
4. Ставь вопрос как вопрос. Назывными предложениями определяется тема, а не проблема. Проблема поставлена лишь тогда, когда сформулирована именно в виде вопроса. Подлинный вопрос начинается словами «кто», «что», «где», «когда», «откуда», «куда», «как», «почему». При этом избегай слова «каковы» — это лишь обходной путь для ввода назывного предложения.
5. Ученый мир — не дружные ребята из детской песенки. Всякое открытие — это для кого-то закрытие. И этот кто-то — чаще всего маститый и власть имущий. Поэтому, сделав открытие, не надейся на всеобщий восторг. Будь готов к упорному сопротивлению, внезапным нападкам и затяжной изнурительной войне. Ученому нужен талант, во-вторых, и мужество — во-первых.
6. Наука — это трижды борьба: с материалом, с противниками и с самим собой. Последняя — труднее всех.
7. Всякий ученый имеет право на ошибку, если он ошибается правильно.
8. Если эксперимент не удался один раз, виноват эксперимент, два раза — экспериментатор, три — теория.
9. Пробуй факты не на язык, а на зуб: не ищи вкусные, ищи подлинные. Ведь то, что нужно распознать, — не изюм, а золото.
10. Доказывай искусно и яростно, но помни, что поверят не твоему искусству и не твоей ярости, а твоим фактам.
11. Берегись допущений. Вероятность — это лестница со скользящими ступенями, эскалатор. Не заметишь, как очутился на другом этаже. Очевидно — значит: вероятно, вероятно — значит: возможно, возможно — значит: может быть, а может не быть. А раз то ли было, то ли не было, то исходи из того, что скорее не было, чем было.
12. Забудь слово «например». Примерами можно доказать всё, что угодно. На всякий пример есть контрпример. Пример допустим лишь тогда, когда не подменяет, а представляет (репрезентирует) обобщение.
13. Классификация — как рояль: не пытайся взять аккорд одним пальцем. Нужен достаточный набор понятий и терминов.
14. Взвешивай «за» и «против» на одних весах.
15. Если сложная истина не состоит из простых истин, то она не истина.
16. Позиция в науке — это не кресло, а редут. Она — позиция, пока ее атакуют и защищают. Потом это уже не позиция, а поза. Не путай позицию с позой.
17. Не гонись за научной модой. В науке не всякое слово, сказанное последним, есть последнее слово в науке. Современность определяется не временем создания, а производительностью методов, полнотой материалов и яркостью идей.

18. Не надейся на случай и удачу. Закон всемирного тяготения родился всё-таки в голове Ньютона, а не в яблоке, которое с ней столкнулось.
19. Ничего не полагай очевидным. Собери как можно больше доказательств, тогда люди, быть может, и поймут, что твоя идея не нуждалась в доказательствах.
20. Будь краток. Но перед тем — каждый твой термин должен быть определен, каждое понятие мотивировано, каждое суждение обосновано, каждое заключение ограничено, каждый факт учтен, проверен и измерен.
21. Когда доказываешь, важно — что, еще важнее — чем, но самое важное — как.
22. Коронное доказательство — то, которое автор припрятал и позволил найти самому читателю.
23. «Золотая середина» между двумя крайностями — это всего лишь третья крайность. Ее нужно доказывать особо.
24. Не спорь до хрипоты. Противника не переспоришь, будь ты трижды прав. Задача всякого научного спора — не переубедить оппонента, а проверить себя, поверить в себя и приобрести сторонников.
25. Если золотой звенит о медяк, звон всё-таки золотой. Неравенство — не препятствие плодотворному общению.

И афоризмы о науке:

1. Наука противоположна искусству. Искусство ищет необыкновенное в обыкновенном, наука — обыкновенное в необыкновенном. В науке прекрасно то, что доказано; в искусстве доказано то, что прекрасно. В искусстве смел тот, кто не боится ошибаться, в науке — кто не боится исправлять ошибки. Нечто среднее невозможно. Но между ними — гуманитарное знание.
2. Знания — как вино: первая чара привлекает, вторая — вдохновляет, третья — повергает в уныние.
3. Из ста студентов, вступающих в науку, 99 заурядных и один талант. Из ста дилетантов, вторгающихся в науку, 100 сумасшедших и один гений.
4. В цеховую науку ведет много путей: если тебя не устраивает прямой, аспирантура, есть еще запасной – соискательство, а уж если и он не подходит, остается избрать третий, обходной – исследования.
5. Чтобы стать кандидатом наук, надо защитить одну диссертацию, доктором – две. Но как стать ученым? Если бы защитой трех диссертаций!
6. Кто вошел в науку с черного хода, скатится вниз по парадной лестнице.
7. Когда осла долго дрессируют, получается ученый осел. Когда ученого долго дрессируют, итог тот же. Мораль: одних дрессировка делает учеными, других ослами.
8. Щедрость ученого не измеряется розданными знаниями: это не его собственность. Ни деньгами: это не наука. Подсчитайте, сколько он роздал разрешений на публикацию.
9. Раздавая материалы и идеи, талантливый ученый становится главой школы. Если же бездарный ученый раздаст материалы (своих идей у него отродясь не бывало), он останется нищим. Поэтому первый признак бездарного: он не одаряет.
10. Бездарному ученому все вынуждены дарить: студенты – время, коллеги – мысли, государство – деньги. Как будто все виноваты, что его бог не одарил.
11. Сидячие места есть не только в трамваях или автобусах — их много и в науке. Здесь их занимают не самые проворные, как в общественном транспорте, а и вправду убогие. Не те, кому далеко ехать, а кому долго дремать.
12. Гипотеза – прекрасная девица, теория – зрелая женщина. Увы, первую во вторую лишь иногда превращает законный брак с аргументом, чаще – сожительство с авторитетом и нередко – насилие.
13. Правоверность ученого – всё равно, что девичья честь: сначала вызывает гордость, потом сожаление и, наконец, смех.
14. Когда об ученом говорят, что он находится в полном расцвете творческих сил, это значит, что ему пора на пенсию: в пору его действительного расцвета его называли подающим надежды, а когда он подавал надежды, возмущались его нахальством.
15. О подлинном значении ученого мы узнаём из некролога, публикуемого — вследствие обычной медлительности издательств — посмертно.